

Специфика функционирования однокоренных имен существительных и прилагательных

Л. В. Носкина[✉]

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

[✉]leti-inyaz@yandex.ru

Введение. Цель статьи – установление влияния категориальной принадлежности слова и его семантики на синтаксическое поведение языковой единицы. Актуальность исследования определяется отсутствием в англистике системного описания особенностей функционирования слов, обладающих общностью семантики, но принадлежащих к разным частям речи.

Методология и источники. Рассматриваются однокоренные имена существительные и прилагательные, соотнесенные по семантике. Исследуемые существительные, входящие в эту группу, являются абстрактными существительными и предикатными словами; их адъективные корреляты, наряду со всеми прилагательными, также представляют собой предикатные знаки. Опираясь на классификацию семантических типов предикатов, предложенную А. Г. Елисеевой, О. Н. Селиверстовой, мы относим исследуемые предикаты к предикатам состояния. Данные языковые единицы анализируются в рамках падежной грамматики: проводится классификация исследуемых предикатов по количеству открываемых ими мест для аргументов, затем данные предикаты сопоставляются в плане актуализации при них семантических ролей. При определении семантических падежей предикатов мы, в основном, опираемся на набор семантических падежей, предложенных В. В. Богдановым.

Результаты и обсуждение. Близость семантики однокоренных существительных и прилагательных обуславливает реализацию при них идентичного аргументного состава. Однако, несмотря на наличие одних и тех же аргументов при анализируемых предикатах, у них наблюдаются расхождения в актуализации требуемых по семантике аргументов: анализируемые существительные чаще, чем коррелирующие с ними прилагательные, имеют абсолютивную поверхностно-синтаксическую реализацию в тех случаях, когда выражают данную, известную информацию или имплицитно обобщенного носителя признака. Исследуемые существительные и прилагательные отличаются и разнообразием своих аргументов.

Заключение. Выявленные особенности функционирования однокоренных существительных и прилагательных, обусловленные спецификой их частеречной принадлежности, свидетельствуют о значительном влиянии формы языковой единицы на ее синтаксическое поведение и показывают, что построение синтаксических структур определяется не только семантикой.

Ключевые слова: однокоренные существительные и прилагательные, падежная грамматика, предикат, аргумент, семантический падеж.

Для цитирования: Носкина Л. В. Специфика функционирования однокоренных имен существительных и прилагательных // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 5. С. 130–139. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-130-139

© Носкина Л. В., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 25.05.2020; принята после рецензирования 30.06.2020; опубликована онлайн 25.11.2020

Specificity of Cognate Nouns and Adjectives Functioning

Lyudmila V. Noskina✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉leti-inyaz@yandex.ru

Introduction. The aim of the article is to determine whether syntactic behavior of linguistic unit depends on its part-of-speech identity or only its semantics. The importance of the research is determined by the absence of systematic description of the specificity of cognate words functioning in linguistics.

Methodology and sources. The research deals with the cognate nouns and adjectives functioning. According to the classification of semantic types of predicates developed by A. G. Eliseeva, O. N. Seliverstova we define the researched predicates as the ones denoting state. These predicates are studied in terms of case grammar, i. e. they are compared in the aspect of an argument structure realization. In determining the semantic cases of predicates, we mainly rely on the set of semantic cases proposed by V. V. Bogdanov.

Results and discussion. It is shown that the analyzed nouns, as a rule, expressing given or known information require a lower number of cases in its explicit forms which still can be implicit. The researched adjectives that usually denote new information are accompanied by a higher number of cases in a surface structure. These predicates also differ in the forms of their arguments.

Conclusion. The revealed features of cognate nouns and adjectives functioning show the significant influence of the form of linguistic unit on syntactic behavior and indicate that formation of syntactic structures is not only determined by semantics.

Key words: cognate nouns and adjectives, case grammar, predicate, argument, semantic case.

For citation: Noskina L. V. Specificity of Cognate Nouns and Adjectives Functioning. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 5, pp. 130–139. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-130-139 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 25.05.2020; adopted after review 30.06.2020; published online 25.11.2020

Введение. В современной лингвистике одним из ведущих направлений в области синтаксиса является изучение содержательной стороны языковых явлений, в значительной мере обуславливающей синтаксические построения. Однако, со своей стороны, и вопрос о влиянии формы языковой единицы на ее синтаксическое поведение продолжает привлекать внимание исследователей [1–4].

Эта проблема исследуется, в частности, на примере однокоренных слов, при этом в лингвистической литературе, посвященной изучению таких языковых единиц, можно выделить два направления: согласно первой точке зрения, отмечается тождественность семантики данных слов, согласно же второй – ученые пытаются выделить у однокоренных слов дифференцирующие признаки, что объясняло бы факт наличия таких единиц в языке.

Настоящая статья посвящена изучению функционирования языковых единиц разной частеречной принадлежности, объединенных общностью семантики, – однокоренных имен существительных и прилагательных.

Данное исследование проводится в рамках падежной грамматики, а именно рассматриваемые однокоренные имена существительные и прилагательные сопоставляются в плане реализации при них семантических ролей.

Методология и источники. Материалом исследования послужили однокоренные существительные и прилагательные, соотнесенные по семантике, собранные методом сплошной выборки из художественных произведений современных английских и американских писателей.

Изучаемые существительные и прилагательные являются предикатными словами, т. е. такими словами, которые, как указывается в лингвистической литературе, выражают свойства и отношения и по своей семантике открывают места для некоторых семантически-обусловленных элементов, называемых аргументами [5, с. 51]. Таким образом, предикат рассматривается как семантически ведущий элемент, обуславливающий число и состав аргументов. К аргументам же относят лишь те слова, которые необходимы для раскрытия содержания предиката, т. е. являются облигаторными на уровне семантики, восполняя семантическую недостаточность предиката.

Учитывая способность предикатных слов взаимодействовать с определенным числом аргументов, исследователи проводят классификацию предикатов, выделяя нульместные, одноместные и многоместные предикаты, при этом определяется и семантический тип предиката – обозначение действия, состояния, свойства или отношения. Дальнейшее уточнение приведенной классификации может идти по пути определения семантических падежей (или функций) аргументов, свойственных предикату [5, с. 51–56].

Установление семантических падежей аргументов проводится на логико-семантической основе, в результате чего выявляются определенные взаимоотношения между предикатом и его аргументами.

В настоящей статье мы, опираясь на классификацию семантических типов предикатов, предложенную А. Г. Елисеевой, О. Н. Селиверстовой, относим исследуемые предикаты к предикатам состояния [6, с. 158–216].

У исследуемых предикатов устанавливается количество открываемых ими мест для аргументов, а затем определяются семантические падежи этих аргументов и проводится сопоставление реализации аргументного состава у данных предикатов.

Как известно, в лингвистической литературе, посвященной предикатно-аргументной теории, выделяется разный набор семантических падежей [7–9], при этом предлагаемый состав варьирует не только от автора к автору, но претерпевает изменения и в разных работах одного и того же исследователя [10, 11].

При определении семантических падежей (или функций) предикатов мы, в основном, опираемся на набор семантических падежей, предложенных В. В. Богдановым [5, с. 52–55].

Проводя классификацию анализируемых предикатов по количеству открываемых ими мест для аргументов, нужно отметить, что данное деление не является жестким, поскольку предикаты в разных значениях требуют разное количество аргументов.

Результаты и обсуждение. В данной статье анализируются предикаты-существительные и предикаты-прилагательные, описывающие состояния, типа «happiness»/«happy» (счастье/счастливый) в значении «feeling of expressing pleasure» [12, с. 397], «anxiety» (беспокойство) в значении «emotional condition in which there is fear and uncertainty about the

future» [12, с. 33] и «anxious» (беспокойный) в значении «feeling anxiety» [12, р. 34] (данные предикаты в этом случае имеют общее значение, так как обозначают состояние беспокойства), а также «gaiety»/«gay», «sadness»/«sad», «nervousness»/«nervous» и т. п.

Данные предикаты следует считать двухместными, поскольку они открывают вокруг себя две позиции, одну из которых занимает номинация лица, находящегося в определенном психическом состоянии, а другая – предназначена для указания причины, вызвавшей это состояние.

Итак, как следует из вышеизложенного, поскольку в названных значениях семантическое содержание у анализируемых существительных и их адъективных коррелятов одно и то же, а различаются данные языковые единицы лишь категориально, это обуславливает то, что исследуемые предикатные знаки открывают позиции для одних и тех же аргументов.

Рассмотрим, как влияет частеречная принадлежность названных предикатов на реализацию при них аргументного состава.

Сопоставим реализацию семантических падежей при двухместных предикатах, описывающих состояние, в котором находится субъект в результате каких-либо причин. Этот тип существительных и прилагательных репрезентируется предикатами типа: «happiness»/«happy», «sadness»/«sad», «nervousness»/«nervous», «anxiety»/«anxious», «gaiety»/«gay» и т. п.

Исследуя, подобные предикаты, Н. Д. Арутюнова пришла к выводу, что особенностью их семантики является то, что в них совмещается логическое (межсобытийное) и интрасубъектное (межпредметное) значение [13, с. 164]. По мнению автора, взаимодействие этих двух категорий в семантике указанных предикатов объясняется тем, что источником своих эмоций, чувств человек считает не только какие-то события, но и других людей.

Учитывая тот факт, что психическое развитие всегда осуществляется на основе непрерывной взаимосвязи исходных внешних и внутренних условий, причин и т. д. (по формуле: внешние причины действуют через внутренние условия) [14, с. 14], исследователи, определяя необходимое окружение, задаваемое семантикой данных предикатов, помимо субъекта, находящегося в определенном психическом состоянии, выделяет еще и причину, вызвавшую подобное состояние субъекта [13, с. 154]. Таким образом, в качестве релевантных признаков, описывающих понятие состояния, приводятся признаки результативности, предполагающие, что состояния связаны с объектами, причинами, целями, стремлениями, обусловившими возникновение определенного психического состояния человека.

Исходя из вышеизложенного, в настоящем исследовании названные предикаты также рассматриваются как двухместные, поскольку они открывают две позиции, одну из которых занимает обозначение лица, находящегося в определенном психическом состоянии, а другая – предназначена для указания причины, вызвавшей это состояние.

Рассмотрим, как реализуются требуемые аргументы у данных предикатов на примере предикатов «happiness»/«happy» (счастье/счастливый) в значении «feeling or expressing pleasure» [12, с. 397] и предикатов «anxiety» (беспокойство) в значении «emotional condition in which there is fear and uncertainty about the future» [12, с. 33] и «anxious» (беспокойный) в значении «feeling anxiety, troubled» [там же, с. 34]:

(1) She was to look back with amazed and incomprehensible pangs to their time of casual secretarial arrangements ... her happiness at getting so much film work to do... [15, с. 30] – Испытывая невероятные угрызения совести, она, пораженная, должна была вспомнить об их

обычных производственных отношениях, ... о своем счастье, заключавшемся в получении такого большего количества работы в кино...

В примере данного типа у предиката «happiness» (счастье) происходит заполнение обеих позиций – экспериенсива, который выражен формой притяжательного местоимения «her» и обозначает лицо, находящееся в указанном психическом состоянии, а также аргумента-причины, который представлен включенным предикатом «at getting so much film work to do» и описывает отдельную ситуацию внеязыковой действительности, вызвавшую данное состояние. При этом, как показывают наблюдения над языковым материалом (и анализируемый пример, в частности), причиной состояния обычно служит какое-либо явление, событие. Однако в ряде случаев позиция причины при данных предикатах может быть занята и именем предметной семантики, которое получает при этом событийное прочтение:

(2) Mor's anxiety about Donald was intense [16, с. 274] – Беспокойство Мора о Дональде было сильным.

Данный пример демонстрирует реализацию при предикате «anxiety» (беспокойство) обоих аргументов, обусловленных его семантикой, экспериенсивного аргумента, обозначенного существительным в притяжательном падеже «Mor's» и характеризующего субъект, который находится в состоянии беспокойства, и аргумента-причины, выраженного словом «Donald».

Особенностью подобных конструкций является то, что причиной состояния служит фактически не само лицо, а поведение, свойства человека. Поэтому подобные структуры можно рассматривать как развернутые номинации события, предполагающие более развернутую интерпретацию.

Однако чаще при данных предикатах происходит неполная реализация аргументов, что объясняется тем, что исследуемым существительным свойственно выражать известную, «данную» информацию, и поэтому аргумент-причина обычно имплицитруется из контекста:

(3) Mor had gone to bed that night in a state of dazed and blissful happiness... [16, с. 100] – Мор лег спать той ночью в состоянии ошеломленного и блаженного счастья.

У предиката «happiness» (счастливый) в данном случае эксплицитно выраженным является экспериенсивный аргумент, обозначенный именем собственным «Mor», а причина выводится из предыдущей части текста. При этом следует отметить, что аргумент «Mor» является вводным аргументом, что является результатом того, что данная структура представляет собой семантически сложное предложение, образованное в результате стяжения двух пропозиций. Таким образом, аргумент «Mor» в соответствии с вербоцентрической теорией предложения является в первую очередь аргументом глагола «had gone» и выполняет по отношению к данному предикату действия агентивную функцию, однако в то же время слово «Mor» является аргументом и к предикату «happiness», который описывает состояние данного лица, т. е. по отношению к предикату «happiness» аргумент «Mor» выступает в роли экспериенсива.

Наличие двух функций у слова в данном случае обусловлено тем, что слово выступает аргументом одновременно при двух предикатах. Подобное явление нашло отражение в лингвистической литературе. Так, в частности, В. В. Богданов, анализируя пример типа

«В комнату вошла очень красивая девушка», отмечает, что слово «девушка» является аргументом при двух предикатах – предикате действия «вошла» и предикате качества «красивая» и имеет при них разные семантические функции [5, с. 93].

Частичная репрезентация в синтаксической структуре аргументного состава предиката-существительного, обусловленная тем, что существительное обозначает известную, «данную» информацию и поэтому не требует конкретизации своего значения, характерна и для предиката «anxiety» (беспокойство):

(4) His anxiety was misplaced – the loose life didn't depress or coarsen her at all. [17, с. 294] – Его беспокойство было напрасным – свободная жизнь совсем не вогнала ее в тоску и не сделала грубой.

В этом примере у предиката-существительного «anxiety» (беспокойство) реализуется только один аргумент – экспериенсив, который в данном случае обозначен притяжательным местоимением «his». Другой аргумент-причина восстанавливается из контекста.

У предикатов-существительных данной группы так же, как и у предикатов-существительных, рассмотренных ранее, возможна элиминация обоих аргументов, необходимых для их истолкования. Обычно это происходит в случае, если предикат-существительное обозначает «данное» или же выражаемое им свойство относится к абстрактному множеству носителей, при этом часто оба эти условия присутствуют одновременно как в следующем примере:

(5) Happiness? ... What has happiness got to do with it? [16, с. 216] – Счастье? При чем же тут счастье?

В примере этого типа предикат «happiness» (счастье) используется без эксплицитно выраженных аргументов.

Следует отметить, что данное явление у некоторых лингвистов получает иную интерпретацию. Так, например, Е. В. Падучева, объясняя невыраженность аргументов у слова с помощью понятия редуцированной диатезы, которое опирается на презумпцию о том, что во всех употреблении данного слова в одном и том же значении набор его аргументов остается постоянным, приходит к выводу, что в некоторых специальных контекстах происходит уменьшение числа аргументов у слова без изменения его смысла, а именно это характерно для предложения, в которых отпредикатные имена служат названиями свойств и лишены аргументов как в предложении типа «глупость хуже, чем подлость» [18, с. 88].

Абсолютное употребление, как показывает фактический материал, обычно не характерно для предикатов-прилагательных данной группы, которые, в основном, обозначают новую информацию и в силу этого требуют большее количество аргументов для экспликации своего значения. Причем, особенностью, например, предиката «anxious» (беспокойный) является то, что в функции обособленного определения, которое всегда предикативно, или предикатива данный предикат, в основном, используется с обоими требуемыми аргументами:

(6) Anxious for their lives, they filed out of the doors... [19, с. 140] – Беспокоясь за свою жизнь, они вылетели на улицу...

В этом примере у предиката «anxious» (беспокойный) реализуется аргумент, представленный местоимением «they», который выполняет семантическую функцию агентива по отношению к предикату действия «filed» и экспериенсива по отношению к предикату

состояния «anxious» (беспокойный). Другой аргумент предиката «anxious» (беспокойный) – причина выражен предикатным именем «lives», которое имеет событийное прочтение, т. е. подобные конструкции с предикатными аргументами понимаются в исследованиях как обладающие «потенциально-предикативной связью» [20].

У других же прилагательных данной группы заполняются либо оба места, задаваемые их семантикой, – экспериенсив и причина, – либо реализуется только экспериенсивный аргумент:

(7) He was happy with that Italian girl called Marina... [15, с. 45] – Он был счастлив с той итальянкой по имени Марина...

Так, предложение данного типа демонстрирует актуализацию двух аргументов при прилагательном «happy» – экспериенсива, представленного местоимением «he» и квалифицирующего лицо, находящегося в названном состоянии, и причины, обусловившей данное состояние, которая представлена в данном случае словом «girl».

(8) Francis is happy [19, с. 178] – Фрэнсис счастлив.

В примере этого типа при предикате «happy» (счастливый) реализуется только аргумент – экспериенсив, обозначенный существительным «Francis». Другой аргумент-причина восстанавливается из знания контекста.

Подобная реализация семантических падежей наблюдается и у других существительных и прилагательных, обозначающих состояние.

Таким образом, исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что предикаты, обозначающие состояние, типа «happiness»/«happy» (счастье/счастливый), «anxiety»/«anxious» (беспокойство/беспокойный) и т. п. обнаруживают различное функционирование, а именно при употреблении названных существительных чаще, чем у прилагательных происходит сокращение требуемого по семантике аргументного состава. При этом, если существительные часто имеют абсолютное употребление вследствие либо обозначения «данного», либо отнесенности к обобщенному носителю признака, то у их адъективных коррелятов, ввиду того, что они, в основном, передают «новое», обычно реализуются или оба аргумента (как, например, у предиката «anxious» в функции обособленного определения или предикатива), или экспериенсивный аргумент.

Суммируя все вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Близость семантики однокоренных существительных и прилагательных обуславливает реализацию одного и того же аргументного состава у рассматриваемых предикатов.

2. Однако, несмотря на наличие одних и тех же аргументов при анализируемых предикатах, у них наблюдаются расхождения в актуализации требуемого по семантике аргументного состава:

– специфика функционирования анализируемых существительных состоит в том, что они чаще, чем коррелирующие с ними прилагательные, имеют абсолютную поверхностно-синтаксическую реализацию.

Элиминация всех аргументов, необходимых для истолкования исследуемых существительных, обычно происходит в случае, если существительное выражает известную информацию из контекста и вследствие этого не нуждается в упоминании аргументов, или же если оно имеет обобщающее значение и имплицитно подразумевает всеобщего носителя, причем часто оба эти условия присутствуют одновременно.

У прилагательного же в силу того, что оно обозначает, в основном, новую информацию, обычно реализуется большее количество аргументов для конкретизации его значения по сравнению с однокоренным с ним существительным. При этом, если у предиката-существительного возможна элиминация всех аргументов независимо от их семантической функции, то у рассмотренной лексико-семантической группы предикатов-прилагательных выделяется преимущественное опущение аргумента в определенном семантическом падеже. У прилагательных, описывающих состояние, обычно реализуются либо оба требуемые по семантике аргумента – экспериенсив и причина (как у предиката «anxious» в функции обособленного определения или предикатива), либо экспериенсивный аргумент.

Для исследуемых предикатов-существительных характерна большая вариативность формы выражения их аргументов: аргумент-дескриптив, экспериенсивный аргумент у существительного может быть представлен существительным или местоимением в притяжательном падеже. Подобный морфологический способ выражения названных аргументов не наблюдается у прилагательного.

Выявленные особенности функционирования однокоренных существительных и прилагательных, обусловленные спецификой их частеречной принадлежности, свидетельствуют о значительном влиянии формы языковой единицы на ее синтаксическое поведение и показывают, что построение синтаксических структур определяется не только семантикой.

Заключение. Данное исследование дает возможность поставить ряд вопросов, связанных аналогичной проблематикой, для однокоренных прилагательных и наречий, однокоренных глаголов и существительных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абросимова Е. А. Реализация в синтаксической структуре семантических актантов однокорневых глаголов и существительных порицания и одобрения (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / ЛГУ им. А. А. Жданова. Л., 1980.
2. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.
3. Бурмистрова Е. Г. Структура и семантика группы существительных с ядром-девербативом: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1988.
4. Кудрявцева В. А. Отражение валентностных свойств глагола в отглагольных агентивах // Высказывание и текст: взаимодействие языковых единиц. М.: Наука, 1988. С. 93–104.
5. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977.
6. Елисеева А. Г., Селиверстова О. Н. Семантические типы предикатов в английском языке // Семантические типы предикатов / под ред. О. Н. Селиверстовой. М.: Наука, 1982. С. 158–216.
7. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
8. Anderson J. The Grammar of Case. Towards a Localistic Theory. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1974.
9. Chafe W. Meaning and the Structure of Language. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1970.
10. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь / пер. с англ. Б. Ю. Городецкого // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып. 10. С. 496–530.
11. Fillmore C. J. The Case for Case // Universals in Linguistic Theory / eds. E. Bach, R. Harms. NY: Holt, Rinehart and Winston, 1968. P. 1–89.

12. Hornby A. S., Cowie A. P., Windsor-Lewis J. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford Univ. Press, 1974.
13. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
14. Брушлинский А. В. Мышление: процесс, деятельность, общение. М.: Наука, 1982.
15. Spark M. The Public Image // The Public Image Stories. Moscow: Progress, 1976. P. 21–128.
16. Murdoch I. The Sandcastle. London: Chatto and Windus, 1957.
17. Cheever J. The Superintendent // Selected Short Stories. Moscow: Progress, 1980. P. 84–107.
18. Падучева Е. В. О производных диатезах отпредикатных имен в русском языке // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л.: Наука, 1977. С. 84–106.
19. Cheever J. The Country Husband // Selected Short Stories. Moscow: Progress, 1980. P. 139–180.
20. Блиндус Е. С. Потенциально-предикативные словосочетания в английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1975.

Информация об авторе.

Носкина Людмила Владимировна – кандидат филологических наук (1989), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: теоретическая грамматика английского языка, актуальное членение, падежная грамматика. E-mail: leti-inyaz@yandex.ru

REFERENCES

1. Abrosimova, E.A. (1980), "Implementation of semantic actants of single-root verbs and nouns of censure and approval in the syntactic structure (based on the English language)", Abstract of Can. Sci. (Philol.) dissertation, LGU im. A. A. Zhdanova, Leningrad, USSR.
2. Zolotova, G.A. (1982), *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of Russian syntax], Nauka, Moscow, USSR.
3. Burmistrova, E.G. (1988), "Structure and semantics of a group of nouns with a deverbative kernel", Abstract of Can. Sci. (Philol.) dissertation, Leningrad State Pedagogical Institute, Leningrad, USSR.
4. Kudryavceva, V.A. (1988), "Reflection of the valence properties of the verb in verbal agents", *Vyskazyvanie i tekst: vzaimodeistvie yazykovykh edinits* [Utterance and text: interaction of linguistic units], Nauka, Moscow, USSR, pp. 93–104.
5. Bogdanov, V.V. (1977), *Semantiko-sintaksicheskaya organizatsiya predlozheniya* [Semantic-syntactic organization of a sentence], Leningrad Univ. Press, Leningrad, USSR.
6. Eliseeva, A.G. and Seliverstova, O.N. (1982), "Semantic types of predicates in English", *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic predicate types], in Seliverstova, O.N. (ed.), Nauka, Moscow, USSR, pp. 158–216.
7. Apresyan, U.D. (1974), *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantics. Synonymous means of language], Nauka, Moscow, USSR.
8. Anderson, J. (1974), *The grammar of case: towards a localistic theory*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
9. Chafe, W. (1970), *Meaning and the structure of language*, Univ. of Chicago Press, Chicago, USA.
10. Fillmore, C.J. (1981), "The Case for Case Reopened", Transl. by Gorodetskii, B.Yu., *New in Foreign Linguistics*, no. 10, Progress, Moscow, USSR, pp. 496–530.
11. Fillmore, C.J. (1968), "The Case for Case", in Bach, E. and Harms, R. (eds.), *Universals in Linguistic Theory*, Holt, Rinehart and Winston, NY, USA, pp. 1–89.
12. Hornby, A.S., Cowie, A.P. and Windsor-Lewis, J. (1974), *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK.

13. Arutyunova, N.D. (1976), *Predlozhenie i ego smysl* [The sentence and its meaning], Nauka, Moscow, USSR.
14. Brushlinskii, A.V. (1982), *Myshlenie: protsess, deyatel'nost', obshchenie* [Thinking: process, activity, communication], Nauka, Moscow, USSR.
15. Spark, M. (1976), "The Public Image", *The Public Image Stories*, Progress, Moscow, USSR, pp. 21–128.
16. Murdoch, I. (1957), *The Sandcastle*, Chatto and Windus, London, UK.
17. Cheever, J. (1980), "The Superintendent", *Selected Short Stories*, Progress, Moscow, USSR, pp. 84–107.
18. Paducheva, E.V. (1977), "About derivative diathesis of predicate names in Russian language", *Problemy lingvisticheskoi tipologii i struktury yazyka* [Problems of linguistic typology and structure of language], Nauka, Leningrad, USSR, pp. 84–106.
19. Cheever, J. (1980), "The Country Husband", *Selected Short Stories*, Progress, Moscow, USSR, pp. 139–180.
20. Blindus, E.S. (1975), "Potentially predicative phrases in English language", Abstract of Dr. Sci. (Philol.) dissertation, Lomonosov Moscow State Univ., Moscow, USSR.

Information about the author.

Lyudmila V. Noskina – Can. Sci. (Philology) (1989), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of over 40 scientific publications. Areas of expertise: theoretical grammar of the English language, actual division, case grammar. E-mail: leti-inyaz@yandex.ru